

## **ЖИТИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВАДСТЕНСКОЙ**

Ульф Вадстенский, инок Ордена св. Бригитты



В переводе Константина Чарухина

## ГЛАВА I. ВОСПИТАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ, ЕЁ ЦЕЛОМУДРЕННЫЙ БРАК И ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СМИРЕНИЕ

[1] Досточтимая и Богу угодная Екатерина была дочерью славного мужа господина Ульфа Гудмарссона и супруги его Бригитты, прославленной Церковью. В своем святом браке они родили не только миру, но и Богу восьмерых детей. Екатерину (о которой пойдёт рассказ) Божественное провидение вывело на свет четвертой, почти средней среди их детей, но добродетелями и порядочностью нравов превосходящей остальных. И пока она, едва вступив в земную сию жизнь, ещё лежала в колыбели, Божественная милость явила предзнаменования её будущей святости и чистоты. Ибо, будучи отдана под опеку кормилицы, она с ужасом отворачивалась, не желая сосать из груди её из-за распутной и блудливой жизни её (как правдоподобно предполагают), из сосцов же святой своей матери и некоторых воздержанных женщин без страха пила. Ибо сообразно было, чтобы та, которой предстояло быть посвящённой служению Божию, по обычаю назарейскому не вкушала нечистого от чрева матери своей.

[2] Поэтому святая мать, отняв дочь от груди, позаботилась о её воспитании, для чего отдала её на обучение благодетельнице некоей набожной и досточтимой аббатисе в Рисабергу. Но диавол, гонитель невинности, всегда стремящийся угасить благие начинания, принял образ бодливого быка и, пока аббатиса предавалась благоговейным молитвам, напал на спящую девочку и, выбросив её рогами из кровати, поверг полуживую на пол. Аббатиса же, заслышав пронзительный крик девочки, со всей быстротой подбежала к ней и возложила её, чуть не мёртвую, себе на грудь. А диавол, явившись ей позднее, грозно сказал: «Как охотно убил бы я её, будь мне то дозволено Богом!»

На седьмом же году жизни начала Екатерина, подражая сверстницам, увлечённо играть в куклы; и чтобы тщета подобных игр, которая у многих юных созданий нарушает ясность ума, не рассеяла и её невинной души, милосердный Бог, попускающий быть биту всякому сыну, которого принимает, дал такое попущение, что на следующую ночь после такой игры увидела святая во сне множество нечистых духов, которые, пробравшись под видом кукол в её спальню, сбросили её с постели и так отлупцевали кнутами, что наутро у неё всё тело заметно посинело. Поэтому в дальнейшем она при содействии благодати, приобретаемой в искушениях, напроочь отринула всяческие развлечения и суетные игры; более того, даже не смешивалась с играющими, а с некоей зрелостью действовала вопреки легкомысленной и удобопревратной праздности, свойственной детям её лет.

[3] Позднее, по достижении брачного возраста, она с упованием, которое всегда имела в Боге и преславной Деве Марии на то, что сохранено будет целомудрие её, повинувшись воле отца своего, согласилась на брак с благородным мужем, господином Эггертом. С наступлением же дня свадебного, когда они уединились в закрытой опочивальне, дева, верная Богу и Пресвятой Деве, склонила жениха своего к обету целомудрия святыми увещаниями с содействием Того, Кто внушает душам избранных всяческую чистоту и целомудренные помышления. Итак, утвердив между собой обет вечного целомудрия присягой, они, нежнейше любя друг друга в Господе, видом мирской пышности, как бы святой хитростью, обманывали врага целомудрия. И насколько угоден был их обет Богу, хорошо видно из ниже

описываемого знамения. Ибо, когда муж, неизменно преданный лишь Богу, по обычаю дворянскому охотился с собаками на некую серну, случайно вышло так, что и госпожа оная Екатерина проезжала по своим делам в карете по дороге через тот самый лес – и тут к ней со всех ног бросилось утомлённое бегством от собак животное. Напрочь позабыв свою дикость, словно бы укрываясь в необычайном убежище, серна кротчайше положила голову на грудь целомудренной женщине, полностью некогда укротившей в себе звериные чувства. Когда же муж и прочие преследователи спросили упомянутую госпожу Катерину, не видала ли она зверя, та показала им серну, прятавшуюся под её плащом, и смиренно попросила дать свободу своей пленнице (указав на животное). Муж легко согласился на это; животное умчалось в лес, супруги же весьма радовались и утешались о Господе, благодаря Того, Кто укрощает и усмиряет диких зверей.

[4] А чтобы не восстал внутренний враг, сиречь плоть, они после ночного бдения, проводимого в ревностных молитвах и коленопреклонениях, обыкновенно спали на полу своих покоев, лишь подостлав покрывало да взяв подушку под головы, причём в зимнюю пору они отнюдь не ослабляли своего подвига, потому что чем более они отказывались ради Бога от мягкого, тем горячее пылали жаром божественной любви. Ибо же почтенная оная госпожа частыми увещаниями старалась запечатлеть в душе своего благочестивого мужа стремление следовать добродетелям и покаянным подвигам её матери, св. Бригитты, которые она сама наблюдала ещё в детстве и о которых слыхала от других, что породило в ней желание подражать им. Потому к бдениям и святым молитвам они присоединили пост, дабы души их процветали во всех добродетелях, чтобы плоть была покорна душе и, как раба, достойно служила госпоже своей. Поэтому из любви к Богу и собственного ради спасения они вместе приняли весьма похвальное воздержание, отказывая себе не только в недозволенном, но даже в дозволенном и законном, зная, что воздержание продлевает жизнь, сохраняет целомудрие, умилоустивляет Бога, изгоняет бесов, просвещает разум, укрепляет дух, усмиряет пороки, одолевает плоть и привлекает и самоё сердце любовью к Богу привлекает и воспламеняет.

[5] Итак, этот брак оказался счастливым, потому что не разнузданность плоти и не распутство соединили два сердца, но любовь, которая во Христе Иисусе, скрепила целомудренные объятия узами благоволения. Это был счастливый брак для тех, кто насколько это возможно пытался подражать священнейшему девственному браку Марии и Иосифа из уважения и любви к Божественному милосердию. Ибо во дни свои они цвели, как две лилии в саду Господнем, пресладостно благоухая ароматом супружества, и сияя пред очами всевидящего Господа целомудрием, и пользуясь доброй славой у ближних своих за примеры и проявления добродетели.

Из-за чего некоторые члены их семейства, не понимая такого необычайного воздержания и духовной жизни, очернили их пред господином Карлом, братом госпожи Екатерины, представив тщеславными и суеверными. Воспользовавшись случаем, он украдкой проникает к ним в комнату и застаёт не супругов, предающихся плотским утехам, а набожных иноков, одетых в шерстяные и грубые туники, что, оставив ложе, спят порознь на полу. После чего упомянутый господин Карл, меньше их разумея в духовном, обвинил господина Эггерта и его жену, сестру свою родную, в суеверии и глупости. Но они, перенося с невозмутимостью

проливной дождь попреков, разлив рек клеветы и бурные ветра насмешек, ничуть не отступились от намерения хранить целомудрие и не ослабили основ воздержания, ибо они были утверждены на прочном основании святого долготерпения.

[6] Но поскольку чистоты плоти недостаточно, если за ней не следует чистота ума с истинным смирением во славу Божию (ибо как чистота плоти есть свобода от человеческой нечистоты, так и смирение есть свобода от нечистоты бесовской, ибо бесы, общаясь с душами, растлевают их гордыней, как люди растлевают тела свои похотью), то сия досточтимая госпожа постаралась оградить целомудрие своё стенами смирения. Кроме того, она начала понемногу отказываться от одеяний, не соответствующих с достохвальным древним обычаем отечества, в которых в нынешнее время обыкновенно щеголяет большинство дворян, и, несмотря на поругания и насмешки, не отступала от соблюдения благородных отеческих обычаев. По этому примеру многие дворяне, её товарищи и родственники стали отказываться от одеяний пышных и чрезмерно нарядных в пользу отечественных.

[7] Среди них была одна благородная госпожа, жена брата Екатерины, вышеупомянутого господина Карла, которая хоть вначале упрямо противилась её советам и примерам, однако благодаря особому знамению посещения Божия была обращена к лучшему порядку жизни. Ибо случилось в городе Кальмаре, в часовне Пресвятой Богородицы, что они вместе стояли на молитве перед образом Пресвятой Богородицы – досточтимая госпожа Екатерина с невесткой своей. Так вот, случилось, что эта госпожа, сиречь жена вышеупомянутого господина Карла, малость вздремнула, и привиделось ей, что Пресвятая Богородица посмотрела на госпожу Екатерину, золовку её, с весёлым выражением лица, на неё ж саму поглядела взором суровым и с гневным лицом. Сильно смущенная этим видением, стала она со слезами молиться Пресвятой Богородице, говоря: «Почему, Владычица моя, ты так страшно на меня зришь?» Богородица ж ей: «Почему ты не слушаешься советов возлюбленной Моей Екатерины? Если исправишь своё поведение и нрав по её советам и примеру, Я по милости своей возрю на тебя весело». Пробудившись, женщина отнюдь не стала пренебрегать таким предостережением, но немедля совлекши прикрасы гордости, постаралась следовать смирению и нравам госпожи Екатерины.

[8] Тогда вышеназванный господин Карл, замечая, как переменилось одеяние жены его и как благочестиво стало её поведение, сам будучи доселе человеком совершенно мирским, в смятении сказал в упрёк госпоже Екатерине, сестре своей: «Мало тебе было самой стать бегинкой (т.е. монашествующей в миру. – прим. пер.), так ты ещё и мою жену заодно бегинкой сделала да притчей во языцех!»

Итак, она терпеливо сносила упрёки и насмешки ради Господа, весьма страшась похвалы за добродетельные дела и милосердием Христовым заклиная хваливших её не говорить и не думать о ней ничего в этом роде. Даже и ближайших подруг она пречасто со слезами отговаривала величать её блаженной за то, что по причине благоговения перед целомудренной чистотою она сохранила своё супружеское ложе незапятнанным, умоляя впредь не поминать ничего подобного.

## **ГЛАВА II. ПРИЕХАВ В РИМ, ЕКАТЕРИНА ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА ПОЛУЧАЕТ ПОВЕЛЕНИЕ ОСТАТЬСЯ ТАМ В ОБЩЕСТВЕ МАТЕРИ. ОДОЛЕВАЕТ ИСКУШЕНИЕ ВЕРНУТЬСЯ.**

[9] И вот, вскоре после того, как родители выдали Екатерину замуж, её отец, господин Ульф Гудмарссон, князь и лагман Нерке, почил в благой старости и был с почестями погребён в монастыре Альвастра. После его смерти бл. Бригитта, мать госпожи Екатерины, по велению Господа отправилась в Рим. А так как она настоятельно просила у Бога кого-нибудь, кто мог бы по-дружески пособлять ей в трудных делах и был бы утешением в дальней стране, то получила в ответ от Христа веление не беспокоиться об этом, потому что Он пошлёт к ней ту, которая в порученных свыше делах будет ей верной помощницей и которую даже упредит особая благодать Его благословения. Итак, по истечении лет примерно пяти, после того как бл. Бригитта из отечества своего отправилась в Рим, госпожа Екатерина загорелась таким желанием поехать в Рим, что из-за вздохов и ежедневного усиления душевных переживаний казалась чуть ли не больной.

[10] Заметив это, её боголюбивый муж спросил её о причине столь горестных вздохов и необычайных переживаний. Она же, вполне доверившись столь благостному и боголюбивому мужу, открыла ему тайну своего сердца. Благоразумный же супруг, превосходно зная её обычную уравновешенность, предположил, что таким образом её побуждает вдохновение от Господа, а потому, хоть и любил её нежнейше, не посмел возражать. Впрочем, он опасался, как бы с такой хрупкой и юной особой, всего-то восемнадцати лет от роду, не приключилось какой-нибудь беды в столь далёком путешествии, из-за чего некоторое время медлил с согласием. Однако, побеждённый, наконец, страхом Божиим, который отвратил его от противления божественной воле, он уступил настойчивым просьбам супруги. Тем временем для Екатерины и её прислуги были подготовлены необходимые средства на дорогу, собрана приличествующая свита, и теперь оставалось лишь дожидаться дня отъезда из страны.

[11] Но оный древний гонитель добродетелей (который силится угасить любые святые и добрые начинания, если может, а если нет, то, по крайней мере, старается помешать им) возбуждает в душе господина Карла, всё того же брата госпожи Екатерины, такое негодование против неё, что он пишет господину Эггерту, мужу её, требуя под угрозой смерти не позволить сестре его выехать за границу. Но это письмо, пока господин Эггерт был по своим делам вне дома, попало в руки госпожи Екатерины. Она, заподозрив что-то такое, вскрыла письмо и, увидев ряд угроз, послала весточку о том своему дяде господину Израилю, мужу могущественному, полному всяческого благочестия и благоразумия. Он, утешая её в Господе, любовно увещевал не отклоняться от святой оной цели из-за братниных стращаний; и притом заверил, что сможет отвратить его угрозы от господина Эггерта, мужа её, и тем весьма утешил её – не только словами, но и подарками, и поощрил к скорейшему отъезду из страны. И не мешкая, Екатерина вместе с господином Горстаго Тунассоном, маршалом Швеции, и ещё с двумя дамами из Королевства Шведского вошла на корабль.

[12] С великими затруднениями пересекши море в сопровождении вышеупомянутых господ, она через земли Германии и Италии прибыла в Рим в августе месяце. Как раз в это время святая и Богу угодная мать её бл. Бригитта вместе со досточтимым духовным отцом своим господином Петром Олавом и несколькими людьми из своего круга поехала на некоторое время в Болонью, в монастырь Фарфа, дабы по указанию Христову сделать выговор аббату и братии этой обители. А госпожа Екатерина со свитой с тревогой искала в тревоге свою мать, потому что не могла знать, куда она уехала. Между тем, господин Пётр, духовник бл. Бригитты, ощущал в душе какие-то странные движения и наития неких чувств, которые так настоятельно побуждали его к возвращению в Рим, что из-за их остроты он не мог ни спать, ни есть до тех пор, пока не отправился в Рим. Будучи отпущен, хотя и неохотно, бл. Бригиттой, он поспешно прибыл в город и, встретив в церкви св. Петра госпожу Екатерину со свитой, приветствовал их с великой радостью, ясно уразумев, что Господь ускорил его путь им на утешение.

[13] Но на следующий день, дабы повидать госпожу Бригитту, они вернулись вместе с господином Петром в вышеупомянутый монастырь. Почтительно принятые аббатом этой обители, они пробыли там вместе несколько дней, ожидая окончания молитв госпожи Бригитты, святыми увещаниями которой местная братия была обращена к лучшей жизни. А обратно на пути в Рим по совету бл. Бригитты они с великим смирением совершили паломничество по станциям (местам выставления мощей, при посещении которых давалась индульгенция. – прим. пер.) и храмам святых. Проведя несколько недель в Риме, госпожа Екатерина вознамерилась вернуться на родину. Когда ж госпожа Екатерина уже была готова к отъезду, мать её св. Бригитта по указанию Христову спросила, не хочет ли она к чести своей остаться с нею в Риме да претерпеть тяготы и всяческие невзгоды ради Христа. На что Екатерина, восплав всем духом своим, ответила, что, коли Христу будет угодно, она охотно оставит не только родину, друзей и родных, богатства и удовольствия, но и мужа, которого любит паче тела своего.

[14] И вот, когда она согласилась остаться, Христос дал её матери бл. Бригитте такое откровение: «Твоя дочь, Екатерина, и есть обещанная тебе Мною верная соратница в порученных тебе свыше делах. Ибо она – прекрасный росточек, который Я сам хочу посадить под десницей Своей, дабы вырос он в плодоносное древо. А поскольку не достаёт ей соков благодати, орошу её премудростью Моей. Итак, посоветуй ей остаться с тобою на некоторое время, ибо полезнее ей остаться, нежели вернуться. Ибо Я поступлю с нею так, как отец поступает с девицею, которую любят двое и которую просят замуж, из которой один беден, а другой богат, и оба девице любы. Итак, благоразумный отец видит чувство девицы и бедняка, любимого ею; даёт одежду и дары бедному, богатому же отдаёт дочь свою замуж – так и Я поступлю. Она любит Меня и мужа своего. Поэтому, так как я богаче и Господь всего, я уделю ему из даров Моих те, что ему полезнее для души, потому что мне угодно призвать его, и недуг, которым он страдает, – предзнаменование его кончины. Ибо подобает тому, кто устремляется ко Всемогущему, собраться с мыслями, а от плотских забот освободиться. Ну а её я поведу и верну домой, когда она не станет пригодна для дела, которое я уготовал ей от вечности и каковое угодно мне показать ей.

[15] И вот, с того дня у Екатерины настолько возрос дар красноречия, что она уверенно говорила среди князей и мудрецов о свидетельствах Божиих. Даже сам Владыка папа Урбан VI был настолько поражен её мудростью, что, когда она однажды держала речь перед ним и кардиналами, он дружелюбно сказал ей: «Воистину, дочь, ты пила молоко своей матери». Итак, по прошествии некоторого времени, после того как она пообещала остаться с матерью, поразил её некий ужас перед непривычной жизнью и нахлынули воспоминания о былой свободе, так что она в великой тревоге просила у матери разрешения вернуться в Швецию. Но её матери, когда она усердно молилась [об избавлении Екатерины] от этого искушения, явился Христос и сказал: «Скажи деве оной, дочери своей, что она уже овдовела, и Я советую ей остаться с тобой, потому что Я сам позабочусь о ней». И хотя она смиренно приняла благоизволение Божие, всё ж невольно возвращалась в уме к родимым местам милого сердцу отечества, от которого она отреклась силой воли и разумения. Отчего и стала умолять добросердечную мать свою, чтобы она, если знает какое лекарство от Бога, уделила ей, столь тяжко страдающей, оное.

[16] Досточтимая же мать её, уже славно победившая все подобные искушения, приготовила целительное средство для своей дочери, уязвленной плотской привязанностью. Позвав наставника своего и духовника, она смиренно и благоговейно молила его изгнать сие душевное наваждение розгами – и сама госпожа Екатерина настоятельно просила об этом же средстве. И всякий раз, когда духовник её бил, она говорила наставнику: «Не щади, а наоборот, ударь посильнее, ведь ты ещё не пронял ожесточённое сердце». Итак, наставник продолжал бичевания, пока Екатерина однажды с веселым видом не молвила: «Довольно с меня, ибо я чувствую, что сердце моё переменилось и что всякое волнение искушения того окончательно удалилось».

[17] Как раз в то же время Владыка папа проживал со своей курией в Авиньоне. Отчего многие из сыновей Велиара, обнаглев от безнаказанности, восстали против общественного порядка в Городе, безнаказанно чиня безобразия и насилие на городских улицах, так что паломники и простецы из-за таковых злодейских нападений не смели ходить по индульгенциям (здесь – особые богослужения, где можно было получить индульгенцию. – прим. пер.) и стациям. Но хуже всего от этих извергов приходилось молодым женщинам. По этой-то причине мать запретила госпоже Екатерине ходить на индульгенции без большой и могучей свиты. И вот, пока мать и духовник ходили по стациям и индульгенциям, госпожа Екатерина сидела дома со служанками, и как-то раз через много дней начали её тревожить горькие помышления, которые были таковы. «Я здесь веду ничтожную жизнь; другие преуспевают и стяжают богатства для душ своих, посещают святые места, участвуют в божественных таинствах, а я жестоким образом отторгнута от всех духовных благ. Как же так?! ведь родные мои, братья мои и сёстры на родине в полном спокойствии служат Богу – так как же я дошла до такого убожества? Не лучше ли было бы вовсе не быть, чем эдак полностью, сиречь душой и телом, жить напрасно?» Она сидела, измученная печалью, полная внутри чрезвычайной горечи.

Когда же мать вместе с духовником своим, господином Петром, застала её в столь угнетённом беспокойными мыслями состоянии, то спросила о причине печали, но она от острой горечи и скорби не смогла ответить. Мать же по праву святого

послушания потребовала ответа, а она же госпожа Екатерина на требование послушания как бы выдавила из себя: «Госпожа моя, я не могу говорить». Ибо она была подобна мёртвой, бледная лицом и окосевшая от неистовства навязчивых мыслей, овладевших его умом. Однако следующей ночью ей привиделось во сне, что весь мир пылает, а она стоит посреди огня на некоем малом пятачке, весьма страшась, и трепеща, и отчаиваясь, что не сможет того огня избежать.

[18] Тогда явилась ей Матерь Божия Дева Мария, и Екатерина молитвенно обратилась к Ней, молвив: «О Владычица моя дражайшая, помоги мне!» А Дева ей: «Как мне помочь тебе, раз ты так горячо желаешь вернуться в свою страну, к своим друзьям и родным? Ты пренебрегаешь обетом, данным Богу твоему, непослушна стала Ему и Мне, матери и отцу своему духовному». На что Екатерина ей: «О, всемилостивая Владычица моя, я охотно приму всё, что Ты мне поручишь». А Дева ей: «Так будь же послушна матери своей и духовному отцу своему, как если бы Я была на их месте – вот чего Я хочу от тебя; ты знаешь, что сие Мне угодно». И госпожа Екатерина, проснувшись, поспешно со всяческим смирением явилась к матери и, став перед нею на колени, умоляла простить ей грех упорного её непослушания, чем она тяжко оскорбила Бога, Преславную Деву и её. Полностью изложив своей матери ночное видение, Екатерина затем пообещала охотно слушаться её до самой смерти и всегда быть с нею в её странствиях. Возликовав о таком чудесном обращении, мать молвила: «Это изменение десницы Всевышнего! (ср. Пс. 76:11) Благословен Тот, по чьей воле любящим Его всё содействует ко благу! (ср. Рим. 8:28)».

### **ГЛАВА III. СТАРАТЕЛЬНО БЛЮДЯ ЦЕЛОМУДРИЕ СВОЁ, СВ. ЕКАТЕРИНА ПОДВЕРГАЕТСЯ РАЗЛИЧНЫМ НАПАДЕНИЯМ**

[19] Тогда бл. Бригитта, желая ещё теснее связать дочь ярмом смирения и послушания, чтобы не получалось у неё из-за снисходительности сострадательной матери двигаться путём святого покаяния слишком привольно, призывает наставника своего господина Петра, мужа, опытного в духовном наставничестве и исполненного всяческой святости и даров добродетелей, и смиренно просит принять дочь её на послушание. Когда господин Пётр в итоге уступил столь разумным и искренним просьбам, госпожа Екатерина смиренно пообещала ему послушание и держала обещание так ревностно, что не осмеливалась совершить даже мелочь без разрешения наставника, зная, что добродетель послушания служит истине, направляет поступь человека в подвижничестве и стяжает благодать святого жития.

[20] Поэтому, укреплённая сей добродетелью, она выступает на подвиг духовной брани, тело своё обуздывая целомудренным воздержанием, дабы не поддаться смертоносному сладострастию. И хотя она, даже состоя в браке с мужем, жила в девстве, всё же страшилась удобопревратного свойства своей нежной юной плоти и опасалась, как бы враг, изобретатель всяческого нечестия, лукавством своим не разрушил оснований её святого подвижания. Поэтому, призвав Всевышнего в помощь, она преискренне просила Его даровать ей доблесть и мужество противостоять коварству врага. И вот, как-то в субботу, когда она подходила к алтарю причаститься Тайн Тела Христова, то при священнике взмолилась про себя, сказав: «О многострадальный Искупитель, приявший сие Тело от незапятнанной

Девы и изволивший многострадально распростереть его с разорванными венами и жилами на древе крестном! Я, недостойная грешница, молю неизреченное Твоё милосердие: соблаговоли сохранить меня, да не впаду я в грех! И как был у меня по Твоей милости хранитель целомудрия – благородный смертный рыцарь, с кем недавно окончился брак мой, – то настоятельно прошу у Твоей милости дать мне другого защитника чистоты моего целомудрия. Всемиловитейший Иисусе, изволь верить меня защите и опеке славнейшему оному рыцарю, провозвестнику святейших Твоих заповедей – св. Себастьяну!» Об этом и тому подобном благоговейно моля, она приняла Тело Христово в залог спасения и сохранения от вражеских искушений. Сия посвятительная молитва оказалась столь действенной жертвой, что с того дня, как известно, была она не без великих чудес хранима свыше от многих опасностей, как будет более ясно показано ниже.

[21] Итак, досточтимая сия госпожа, когда она по смерти мужа оказалась вдовой и осталась в Риме со своей матерью, св. Бригиттой, начала жить как в монастыре под опекой матери, зная, что она просвещена Духом Божиим и украшена дарами божественных добродетелей. Учителем у неё был Пётр, духовник матери, с чьими поучениями, наставлениями и спасительными советами она полностью смиренно сообразовывалась, словно настоящая послушница. Причём она всегда вглядывалась в жизнь и нравы своей матери, словно бы в незапятнанное зеркало, желая сверять свои нравы и поступки с её примером и подражать её святым покаянным подвигам. Ибо же от неё она научилась соблюдать тишину в определенное время, разумея, что добродетель молчания стяжевает мир сердечный и попечение о праведности, питает и охраняет мир среди ближних. Ибо если человек не будет весьма тщательно хранить уста свои, то быстро растратит дарованные ему блага и впадет во многие беды. Екатерина же отвечала на вопросы рассудительно и немногословно, касаясь лишь назидательных предметов: воли Божией и заповедей. Со всеми, особенно с бедняками и паломниками, она разговаривала дружелюбно и смиренно, соблюдая совет Премудрого: «Всякий рассказ твой да будет о заповедях Всевышнего» (ср. Вульг. Сир. 9:23).

[22] И вот, пребывая в Риме, она ласково привечала бедняков и паломников, а многих прибывших с её родины не только милостыней утешала, но и ласковой дружелюбной беседой, увещевая их к терпению и любви ко Христу, часто напоминая им, чтобы нужно постоянно памятовать горчайшие Страсти Христовы и с особым тщанием блюсти заповеди Божии. Упомяну лишь об одном случае, как она тогда многократно приглашала бедного паломника к себе в комнату, читала ему Евангелие и жития святых, разъясняла заповеди Божии и всеми силами убеждала избегать семи смертных грехов. Он же, когда вернулся от неё на родину, поступил иноком в монастырь Вадстена, где, воинствуя, как добрый воин о Христе (ср. 1 Тим. 1:18), рассказывал бывало братии много похвального о святости Екатерины.

[23] И вот, пока сия достохвальная госпожа пребывала в Риме, а мать её Бригитта была ещё жива, она, хотя ей было всего лет двадцать, отличалась серьезностью манер, обладала зрелым разумением и привлекательной наружностью, что умиляло сердца многих. И мила она была очам всех, отчего многие вельможи хотели соединиться с нею браком и сообщали оной госпоже, то лично, то через посредников, о своём желании, обещая какие угодно богатства и драгоценности в

дар, если она пожелает дать согласие на брачный союз. На что она неизменно отвечала, что дала обет вечного безбрачного целомудрия и не желает впредь вновь вступать брак со смертным женихом. Они же, охваченные слепой страстью, того, чего не смогли достичь обещаниями и лестью, пытались добиться угрозами и насилием. Поэтому они устраивали засады на больших дорогах и в узких переулках, чтобы умыкнуть её в плен, где она, уже не укрепляемая святыми советами матери, не сможет им отказать.

[24] И вот однажды в праздничный день случилось так, что, пока мать её была занята другими делами, госпожа Екатерина со многими знатными дамами города Рима отправилась к св. Себастьяну-за-стенами ради индульгенций, а некий граф с многочисленным отрядом прятался между виноградниками, наблюдая, не пройдёт ли там с другими дамами и госпожа Екатерина. А когда он узнал, что она среди них, то приказал своим людям быть готовыми схватить её. И вот, спешат они из укрытий, чтобы похитить невинную, но вотще они натягивали лук беззаконий своих, ибо возобладал совет Господа, Который всегда защищает и обороняет надеющихся на Него. Итак, когда эти нечестивцы ринулись в наступление, вот, навстречу им выбежал олень, и пока они по воле Божией были заняты его поимкой, госпожа Екатерина с другими дамами быстрым шагом возвратилась в город, спасшись из их рук, как серна и как птица из ловушки птицелова (ср. Прит. 6:5). А когда домой пришла блаженная Бригитта, мать её, то, зная духом об опасности, которой избежала Екатерина, сказала: «Благословен олень, милостиво избавивший тебя ныне от ловушки рыкающего супостата, что благоволила показать мне во время молитвы Преславная Мать Божия». Посему святая, подобно влюблённой оной невесте могла сказать: «Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических!» (Песн. 8:14). С того дня она не дерзала открыто ходить по улицам, а посещала лишь ближайшую к дому церковь, решив пореже показываться на улицах, и предпочла, чтобы «ноги её жили в доме её» (ср. Прит. 7:11), ибо «крепки ноги женщины на твёрдых пятах» (Вульг. Сир. 26:23).

[25] За стены Города Рима она никоим образом не осмеливалась не выходить, кроме как по указанию божественного предвещения, чтобы самонадеянностью своей не доставить радости врагу. Когда же мать божественным откровением заверяла Екатерину в безопасности, она, нисколько не колеблясь, шла на индульгенции. Ибо случилось так, что при наступлении торжества св. Лаврентия бл. Бригитта в канун того дня сказала дочери своей госпоже Екатерине: «Завтра, милостью Божией, мы вместе пойдём ко св. Лаврентию». На что госпожа Екатерина ответила: «Госпожа моя, я очень боюсь, что тот граф, которого вы хорошо знаете, насильственно отнимет меня у вас по дороге». А мать ей: «Я твердо надеюсь на Господа Иисуса, веря, что Он желает нас по Своей милости избавить от его рук и защитит от всякой опасности». В день же св. Лаврентия, выходя из дому, они пятикратно оградил себя знаменем животворящего Креста, вверив себя пяти ранам Христовым и охране св. Лаврентия. Ограждённые такой защитой, они благополучно добрались до церкви св. Лаврентия.

[26] А граф тот со своими слугами, когда была ещё ночь, затаился при дороге в винограднике, чтобы на рассвете выскочить из своего укрытия и, застав Екатерину врасплох, похитить её. Но «в силках своих», что он спрятал, «унизил его» (Вульг. Пс.

9:31) Бог. Ибо, когда солнце уже взошло и большая часть дня миновала, слуги, утомлённые ожиданием, говорят графу: «Господин, почему вы здесь находитесь?» Граф ответил: «Мы всё ожидаем той госпожи, которую думали сегодня захватить». На что слуги ему: «Так она давно прошла мимо и уже направилась в церковь св. Лаврентия». И граф осведомился у них, день ли уже. Они ответили ему: «Конечно, господин, кругом день ясный светит, и солнце высоко». Тогда-то граф и узнал, что на него простерта рука Господня, как того и требовало его беззаконие, и, открыв глаза, ничего не увидел; но по его повелению тотчас же отвели его в упомянутую церковь св. Лаврентия, прибыв куда, он спросил слуг, не видать ли там св. Бригитты и её дочери, и слуги, поискав в собравшейся толпе, сообщили ему, что они там.

[27] Он немедленно велит проводить себя к ним, и когда он был к ним подведён, пал ниц на виду у всех с плачем великим, горестно признаваясь в злодействе своём и смиренно прося прощения, дабы отпустили они ему ради Бога грех его, и обещая Богу никогда более ни на что такое не посягать, добавив ещё, что мог бы по мере сил быть их защитником и помощником и в чём угодно выступить им добровольным и услужливым покровителем. И вот, тотчас же, как они за него помолились, зрение возвратилось к нему. С этого дня он стал относиться к ним с великим благоговением и почтением, творя многие благодеяния. И этот граф рассказал, как о великих делах Божиих, о той милости и чуде, что свершилось с ним, пред лицом Владыки папы Урбана V и кардиналов его.

[28] Итак, думаю, нельзя обойти молчанием, как противник рода человеческого через своих сообщников подвергал разным нападениям посвящённое Богу целомудрие Екатерины, а Господь сил Христос, Царь славы (ср. Пс. 23:10) милосердно спасал её от них. Случилось же так, что бл. Бригитте явился в видении св. Франциск и пригласил её посетить его келью. Когда она тотчас же, в благоговейном послушании св. Франциску, собралась отправиться в Ассизи в церковь упомянутого святого, называемую «Порциункула», Христос повелел ей, чтобы её сопровождала госпожа Екатерина, потому что у неё была великая мечта совершить паломничество туда. Также Христос заверял её, что милостиво сохранит их в подстерегающих на пути опасностях, дабы не страшились они их, потому что, хотя супостат поднял против них множество покусителей, Он сам чудесным образом исторгнет паломниц из их рук и спасёт. Итак, они отправились с подходящей свитой в Ассизи, и вот вдруг случилось так, что до конца дня они не успели добраться до приличного жилья, но, заблудившись на горных тропинках среди кустов, наткнулись наконец в сумерках на какой-то убогий трактирчик, хозяин которого едва согласился принять их, и они расположились в тесных каморках этой лачуги, чтобы хоть как-нибудь укрыться от дождя и снега.

[29] И вот, под конец ночи прибыла туда огромная толпа разбойников. Они разжигают очаг, вглядываются в лица каждого и, привлечённые красотой госпожи Екатерины, извергают похабные слова. Кто изъяснит, каким страхом был поражён её невинный дух, когда ужасный рёв рыкающих львов усилился. Тогда, лишившись всякой помощи человеческой, им осталось лишь с усиленной мольбою взывать о Божией защите. Благословен Бог, избавивший терпеливых! Итак, когда разбойники, распалённые пламенниками похоти, намеревались броситься на святую, внезапно

донёлся великий шум, словно бы от приближающегося войска; слышался также звон оружия и крик, призывающий пленить разбойников. Несчастные сыны заклания, услышав эти крики, ошеломлённо кинулись врассыпную, и, не смея более той ночью возвращаться на постоялый двор (ибо напал на них внезапный и неожиданный страх), так пустились в бегство, веря, что туда нагрянул отряд могучих воинов. Блаженная же Бригитта и госпожа Екатерина, дочь её, переночевав вместе со свитой под защиту Божией, наутро пустились дальше в паломнический свой путь на Ассизи. Но злодеи те, утрашённые ночью Стражами Израиля (ангелами. – прим. пер.), в тот же день, дабы простереть руки свои к беззаконию (ср. Пс. 124:3), устроили засаду, расположившись по обе стороны дороги, по которой должны были пройти гг. Бригитта и Екатерина с челядью. Упова на Господа, они прошли по большой дороге и видели по обеим сторонам разбойников, изготовившихся к злодейству (ср. Прит. 6:18), да вот только сами отнюдь не были им видны, ибо над ними одними была распростерта тяжёлая ночь, образ тьмы, хотя весь мир был освещаем ясным светом (ср. Прем. 17:19-20). Вот так они во имя Господа избежали рук их и, завершив паломничество ко гробнице св. Франциска, где весьма укрепились божественными утешениями, со многот радостью восхваляя великие дела Божии, возвратились в Рим.

#### **ГЛАВА IV. ДОБРОДЕТЕЛИ СВ. ЕКАТЕРИНЫ: СМирЕНИЕ, МОЛITВА, ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ, НЕСТЯЖАНИЕ, КРОТОСТЬ.**

[30] После этого досточтимая госпожа Екатерина, осмыслив Божию любовь и благодать, явленную в спасении её, как благодарная дочь Божия положила в сердце своём основание смирения, которое делает человека богоугодным, и привлекает к себе милость Божию, и прочие добродетели сохраняет силой своей, и достигает в них превосходства; ибо знала святая, что пока ум человеческий опирается на смирение, он подлинно воспламеняется любовью к Богу и небесным предметам. Поэтому она не только имела смирение, в коем искренне презирала самоё себя, но и желала быть презираемой другими и считаться ничтожной. Хотя жизнь её была весьма достохвальна и угодна в очах Божиих, она всё же не желала, чтобы другие именовали её святой, но грешницей. И вот постаралась она ревностнее служить Господу в духе смирения, всегда принижая своё достоинство внутри себя, а вне пред людьми смиряя себя в словах и воздыханиях, в поведении и во всех делах своих. От похвал за любые поступки свои она всячески отвращалась, поэтому, когда одна из служанок стала величать её за оказанные ей милости, святая резко выговорила ей, сказав: «Именем Господа нашего Иисуса Христа заклинаю тебя никогда более такого обо мне не говорить и не помышлять, ибо я ничтожная и недостойная грешница, но да будет благословляем всякой тварью Своею лишь Он, производящий всё благое во всех (ср. 1 Кор. 12:6)».

[31] Долго можно было бы излагать, сколько любви и божественного рвения проявляла она в служении Божиим, ибо с младенчества она ежедневно читала Часы Пресвятой Богородице, семипсалмие наряду со многими собственными молитвами. А сколько пыла она проявляла в своих собственных молениях, можно заключить из нижеследующего. Ибо прежде чем лечь спать, она четыре часа подряд, стоя на коленях и бия себя в грудь со многими слезами по причине горчайшего воспоминания о Страстях Христовых, каждый вечер целиком приносила себя во

всесожжение Господу. А когда, измученная дневными и ночными трудами, она ложилась в постель, то лишь ненадолго засыпала, и встав – всегда перед рассветом – в безмолвии на молитву, совершала ежедневное жертвоприношение, не отвлекаясь на разговоры, и без явной надобности не отступала от святых занятий до полудня.

[32] А насколько действенны и угодны Богу были её моления, каковы были она о других в духе благочестия и сострадания совершала, то явствует из множества чудесных знамений. Ибо, когда благочестивая мать её, св. Бригитта, ещё занималась человеческими делами и пребывала с нею в Риме, госпожа Екатерина однажды молилась, простёршись, у алтаря св. Иоанна Богослова в большой церкви св. Петра; и явилась ей некая чужеземная женщина, одетая в белую тунику, перетянутую поясом, с белым покрывалом на голове и чёрным плащом внакидку, которая быстрым шагом приблизилась к госпоже Екатерине и, поприветствовав её по имени, смиренно попросила о том, чтобы та помолилась за душу норвежки. А госпожа Екатерина, встав, спросила её, откуда она. Паломница ответила, что она из Швеции и что жена ее брата г. Карла умерла. Госпожа Екатерина тогда начала приглашать её в дом своей матери, но чужеземка стала оправдываться, говоря, что ей некогда оставаться, вновь повторив прежние слова, а именно: «Молись о душе норвежки, ибо скоро вы получите весть с родины и хорошее вспомоществование, так как норвежка завещала вам золотой обруч со своей головы,» – и тут же исчезла. Тогда изумлённая госпожа Екатерина оборотилась к служанкам, стоявшим рядом с ней, и спросила, что то была за особа, которая, поговорив с нею, ушла. А они ответили: «Мы действительно слышали, что вы говорили с кем-то, однако никого не видели».

[33] И вот, поражённая госпожа Екатерина поведала об увиденном и услышанном матери своей св. Бригитте, которой во время молитвы было свыше открыто о том, что умерла госпожа Гюда, жена Карла, душа которой, прося помощи, явилась ей. А вскоре после этого прибыл из Швеции Ингвальд Амундссон, знакомец госпожи Екатерины, и сообщил о смерти вышеупомянутой госпожи Гюды, доставив им завещанное, а именно золотой обруч или венец, которую она носила при жизни, согласно обычаю своего отечества. Ибо звали её госпожою Гюдой, а происходила она из знатнейшего норвежского рода. Венец же была настолько ценен, что денег, вырученных с его продажи, вполне хватило, чтобы бл. Бригитте с дочерью, а также всем их домочадцам кормиться в течение целого года. Этот пример достоверно показывает, насколько богоугодны были жертвы её молений, коль по божественной милости к ней была допущена пребывающая в чистилище душа, дабы попросить о своём избавлении.

В обычае сей досточтимой госпожи было на время молитвы отыскивать укромный уголок и избегать суеты, чтобы совершить жертву и служение (ср. Флп. 2:17), достойные Бога, веря, что тем скорее будет услышана, чем [сосредоточеннее] воззовёт она к Господу из самой глубины сердца. И если язык плоти умолкал, то чистота жизни вместе со святыми подвигами и делами не переставали молиться Господу.

[34] Сколько сочувствия и любви к ближним проявляла эта досточтимая госпожа, можно понять из того, что сострадание к нищим и болящим росло вместе с нею с младенчества. Ведь святейшая мать её бл. Бригитта имела обыкновение брать с собою юную кроху в приюты, где без ужаса благоговейно обрабатывала руками

своими язвами, нарывами и ранами больных, воздавая им многие благодеяния и утешительные слова, чем показывала пример совсем юной ещё дочери, как во всяком возрасте должно ради Бога творить подобное для нищих и немощных. И если порой кто-нибудь обвинял благочестивую мать сей досточтимой госпожи в том, что она брала своих малолетних дочерей в дома нищих и болящих, ведь есть опасность, что они могут как-нибудь заразиться от их смрада, бл. Бригитта отвечала им ласково, говоря, что для того подобает ей водить своих дочерей в дома болящих, чтобы они смогли научиться служить Богу в нищих и болящих. Отсюда вполне понятно, почему, когда сия досточтимая госпожа, дочь св. Бригитты, выросла, вместе с годами росло у неё и сострадание к болящим и нищим, каковых усердно посещая, произнося утешительные слова и помогая им в нужде милостыней, она по мере сил верно следовала стопами святой своей матери.

[35] И слова матери своей, св. Бригитты, которые она слышала, и дела благочестия, которые она за ней наблюдала, пронзили сердце её умилением, так что и нужде бедняков она от всей души весьма сопереживала, а страдающих и словом сострадательным утешала, и делом помогала им, оказывая щедрые благодеяния. Помимо же прочего, когда её мать спала на твердом полу, она, побуждаемая нежным дочерним состраданием, вставала ночью тайком и подкладывала ей под рёбра и поясницу свою подушку, чтобы лежать на полу было не так жёстко. О, какое нежное сострадание, полное любви! И хоть не великий из него выходил прок, зато великого оно явило чувства залог, что доброй дочери и подобает, коя мать свою уважает. Итак, счастлива мать, что дочь такую в мир плотию привела, а ещё счастливее тем, что примером своим святым и праведностью жизни Господу всего Христу духовно её родила и к святому служению Ему подготовила.

[36] А поскольку величайшим препятствием для молитвы и освящения являются мирские и плотские желания, она настоятельно старалась удалить их, словно смертельный яд, из души своей, стремясь добровольно принять нищенскую и униженную жизнь ради Бога, чтобы стяжать свободу следовать за Христом, обнищавшим ради неё. И воистину последовала за Ним, отрекшись от мирских богатств и плотских наслаждений, которые любителей своих мучают и отягчают. Славу мирскую она презирала и попирала её духом, чтобы возвеличить славу Божию, а дабы далее пройти по пути Божию, подчинила себя воле другого через послушание, великою славою для себя почитая бедность ради Господа и презрение от мира. Она напроочь отрешилась духом от мирских благ да от братских и родственных утешений, возлюбив изгнание паче отечества, дабы пристальнее сосредоточиться на Христе возлюбленном своём и благах вечных. Посему и оный благой Воздаятель, Который все унижения любящих Его, ими принятые, обращает в их славу и честь, причём не только в будущем, но и в настоящем, обратил нищету и презренность сей госпожи, досточтимой Екатерины, в похвалу и украшение.

[37] Ибо однажды, когда мать её, св. Бригитта, была ещё жива, случилось так, что несколько презнатных римских дам, попросили её отправиться вместе с ними за стены – развеяться, ведь она была весьма любима всеми ради великой благодати, дарованной ей Богом. Ибо она, отличаясь выдающимся благочестием и строгостью нравов, блистала привлекательной наружностью и превосходным умением держаться в обществе. Мать её, бл. Бригитта, учитывая необыкновенную её

порядочность, позволила дочери своей, госпоже Екатерине прогуляться за пределами римских стен не для потехи, а ради отдохновения. Итак, выйдя из Рима, они подошли к оградкам виноградников, и некоторые из них, увидев, что над оградой торчат кисти винограда, просили госпожу Екатерину, поскольку она была высока ростом, чтобы она сорвала для них того винограда. И хотя у неё по добровольно избранной бедности были изношенные и заплатанные рукава, она не постыдилась того, что столь знатные госпожи сочтут её нищей и ничтожной. Когда же она выпростала руки, чтобы собрать плоды виноградные, всем дамам показалось, что руки её облечены в превосходную синюю и пурпурную ткань. Посему, в великом изумлении, они по очереди щупают и рассматривают те рукава, рдеющие драгоценным пурпуром, и говорят ей, госпожа Екатерина, кто бы поверил, что вы когда-нибудь изволите надеть столь драгоценное платье и наряд! Свидетельствуют о том присутствовавшие при том слуги и святой памяти наставник Пётр, духовник её.

[38] В другой как-то раз, когда её мать ещё жила среди людей, госпожа Екатерина слегла под гнётом тяжкой болезни, и один из их близких друзей, славный римский барон по имени Людовик, сообщил бл. Бригитте, что хотел бы навестить её болящую дочь. Когда их слуги прослышали об этом, стали стыдиться, что такому знатному господину доведётся увидеть госпожу их лежащей на столь убогой постели. Ибо она лежала на соломенной подстилке, с одной подушечкой под головой, накрытая старым и штопаным покрывалом. Но Господь Иисус Христос, Который собственной нищетою возвысил нужду нищих Своих к славе и чести, подобно же украсил и её добровольной нищеты унижение и презренность неизреченными богатствами благодати Своей в очах могущественного и богатого господина Людовика. Ибо когда этот господин в сопровождении многих вошёл в покои болящей, показалось ему ложе её застлано превосходным бельём, да ещё со злато-алым одеялом поверх. Дивясь много, он сказал следовавшим за ним слугам: «Дамы эти среди всех слынут нищими, а потому часто берут займы на покупку необходимого; так не лучше ли было им распродать ради насущных потреб столь дорогой пурпур и то роскошное убранство, что мы видим в их доме, чем терпеть скудость и недостаток пропитания и одежды?»

[39] Насколько ж угодна Богу и преславной Деве Марии была добровольная нищета её, то было открыто бл. Бригитте, молившейся в сладости духа так: «О дражайшая моя Владычица, молю тебя, ради милости возлюбленного Сына Твоего, надели меня силою любить Его всем сердцем! Я чувствую себя слишком немощной, чтобы любить его такой пылкой любовью, как подобает. Посему умоляю Тебя, Матерь милосердия, сообрази привить моему сердцу любовь к Нему и привлечь оное к Сыну Твоему, всеми усилиями отделив его от всякой плотской любви, и тем сильнее влечь его, чем неподатливее оно будет!» Дева Мария ответила ей, сказав: «Да будет благословен Тот, кто вдохновляет тебя на такие молитвы. Но хотя беседа со мною явно приятна тебе, всё же пойдя и зашей сорочку дочери твоей Екатерины, которой милее старая и латаная сорочка, чем новая; которой желаннее грубая серая шерсть, чем шёлк или иной дорогостоящий наряд. Блаженна та, которая так свободно оставила мирские привязанности: она оставила своего супруга с благосклонного согласия Того, чьё Тело полюбила больше, чем своё с мужем. Также она телесно оставила братьев и сестер, родственников и друзей, чтобы помогать им духовно, и о благах мира не

заботилась. Ныне же за то, что покинула она единокровных своих, прощены ей все грехи её. Да стоит она и далее прочно, ибо вместо земного владения дано будет ей Царство Небесное и Сам Иисус Христос в женихи, и все, любящие её ради Бога, преуспеют ради неё».

[40] И хотя она была облечена множеством добродетелей, среди всех пользовалась доброй славой и благоухала святостью, тем не менее паче всего хвалили её за терпение по отношению к своим родным. Ведь она пришла к продуманному выводу, что душа, не противопоставив вспышкам своих чувств терпения, расстроит даже то, что было хорошо сделано ею в спокойном состоянии духа, и внезапным порывом разрушит всё, что, возможно, создала долгим кропотливым трудом. Ибо «легче лёгкого носить презренную одежду и ходить с поникшей головой.., но истинно смиренного показывает терпение обид» (св. Августин. Письмо к Пробе). Ибо подобно тому, как умещения не могут источать аромат свой вширь, если только их не встряхнуть, так и сия досточтимая госпожа Екатерина добродетелью терпения шире благоухала от несправедливо чинимых ей притеснений и обид. Итак, она всецело посвятила себя осуществлению тройственной добродетели терпения, ибо долготерпеливо выносила ущерб, притеснения, поношения и злословие от ближнего. Часто её бранили даже служанки и челядинцы, но она сносила оскорбления и обиды невозмутимо, с любовью взирая на оскорбителей своих, словно бы на благодетелей.

[41] Об этой её добродетели терпения рассказывала одна благоговейная и святой жизни инокиня из Вадстены, Маргарита Карлсдоттер, служившая госпоже своей Екатерине пять лет: она ни разу не слышала от неё ни единого слова нетерпения и не наблюдала никаких признаков негодования против оскорбителей. Посему весьма прискорбно и предосудительно то, что некоторые, которые из-за небольшого упрека или хотя бы из-за какого-нибудь жеста или слова отрекаются от любви к ближнему, так что даже по несколько дней не желают говорить с ближним, ни общаться, ни знаков дружбы проявлять, ни на пользу им ничего сделать. Мучеников и других святых страшные муки не в силах были отлучить от любви Божией; мы же (о горе!) порой от пустого звука, часто по мелочной мстительности, а иногда даже из-за какой-нибудь легкомысленной шутки оставляем любовь к Богу и ближнему. Сколь великие искушения претерпела она от противника, нелегко было бы изъяснить, поскольку житие праведных есть не что иное, как воинствование на земле. Но она радостно с благодарением переносила бичи Зиждителя и отнюдь не предавалась чрезмерному ропоту, ибо считала, что желающий наград будущей жизни должен с невозмутимостью переносить все бедствия жизни настоящей.

#### **ГЛАВА V. СВ. БРИГИТТА ПЕРЕВОЗИТ ТЕЛО МАТЕРИ СВОЕЙ СВ. БРИГИТТЫ В ШВЕЦИЮ. ВОЗГЛАВЛЯЕТ КИНОВИЮ ВАДСТЕНА.**

[42] Сверх того, сия досточтимая госпожа не только всю жизнь усердно упражнялась в описываемых добродетелях, но также и в других благих делах. Во время двадцатипятилетнего пребывания в Риме с матерью своей, достопамятной св. Бригиттой (к которой и в прежнюю пору была неотлучною спутницей в путешествиях), она не только навещала станции в Риме ради индульгенций, но, восплавав жаждой Бога, ездила и в дальние путешествия по разным храмам святых, что имеются в разных краях и царствах, и даже предприняла великие труды, чтобы посетить Гроб

Господень в Иерусалиме. И вот, объехав святые места, мать её, св. Бригитта в святом Иерусалиме заболела лихорадкой, которая продолжалась до тех пор, пока они вместе не прибыли в Рим, где Господь Иисус открыл святой невесте Своей день и час её смерти, а заодно и другие дела грядущие, которые она в меру того, как то было ей открыто и препоручено Христом, подробно поведала своим духовникам и наставникам, а также госпоже Екатерине.

[43] Итак, после того, как в Риме уплатила долг смерти мать её св. Бригитта, останки коей по собственному её распоряжению были преданы погребению в монастыре Панисперна, сия досточтимая госпожа Екатерина, проявив себя при живой матери вернейшей сотрудницей в свершении вверенных ей Христом дел, и после смерти родительницы во всём показала себя верной долгу исполнительницей её распоряжений, следующих воле Христовой. Ибо Христос открыл её матери, что она совлечётся тела своего в Риме, а затем будет перевезена в Швецию, что по истечении пятинедельного срока св. Екатерина старательно выполняет вместе с духовниками св. Бригитты. Итак, в вышеописанное время после смерти её и в том же году, была начата перевозка, но завершилась она не без необычайных знамений, явившихся при дивном отделении плоти от костей, равно как и не без чудес, свершившихся в путешествии и при перенесении останков в Вадстену, что полнее описывается в другом месте. Когда же досточтимая сия госпожа вывозила мощи матери своей, св. Бригитты, подходили к ней знатные дамы и простолюдинки, дабы поклониться священным мощам и благоговейно облобызать их. Тем, кто подходил к мощам, св. Екатерина давала спасительные наставления о том, что следует, отложив пышность тленной роскоши мира, глубже проникнуться чаянием будущих благ. В ответ на это спасительное наставление многие знатные мужи и дамы, уязвленные совестью, каялись и при содействии благодати Божией пускались стезёй лучшей жизни.

[44] Наконец она прибыла со священными реликвиями в Пруссию и в город Данциг, где двое из знатных людей города, которые последовали за св. Екатериной из города Рима вместе с прислугой, восславили силу благодати Божией, явленной на сей святой женщине. Ведь она там постоянно порицала крестоносцев (Тевтонский орден тогда господствовал в Восточной Пруссии. – прим. пер.) за их проступки и возвещала, какие страшные угрозы против них были свыше открыты бл. Бригитте, охваченной пламенем Духа Божия. Причём не страшилась их светской власти, дабы по праву молвить оному вечному Судии и Свидетелю верному: «Буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь» (Пс. 118:46). И ужас объял их перед речами, полными дивной и божественной мудрости, посему от слов её всякое беззаконие заграждало уста свои, и мудрость мира сего не могла противиться истине. Затем она покинула город Данциг и, взойдя со святыми мощами и прислугой на корабль, отправилась в плавание к Швеции. Поначалу они приплыли совершенно не в тот шведский порт, куда рассчитывали попасть, но затем, сначала направляясь по звезде, прибыли при ярком полуденном свете в порт Сёдерчёпинг Эстергётландский в целости и сохранности.

[45] Узнав о долгожданном прибытии госпожи Екатерины, стеклось со всех краёв Эстергётланда бесчисленное множество мужчин и женщин, знатных и простолюдинов, клириков и иноков. Они встретили её саму и священные мощи блаженной матери Бригитты и разных других святых – пожалованных матери и

дочери вельможными особами, королевой Неаполитанской (Джованна I (1325/1326 –1382). – прим. пер.), кардиналами, баронами и знатными римскими дамами да иноками многими – и с немалой радостью проводили в Вадстену. Досточтимый же Пётр, приор Альвастры, блаженной памяти инок цистерцианского ордена, который следовал за госпожой Екатериной из Рима при этом перенесении святых мощей, часто проповедовал в городах и местечках между Сёдерчёпингом и Вадстеной стекавшемуся к ним народу, рассказывая, сколько всего изволил Бог по благодати Своей содейть для неё и какими поразительными чудесами прославил Он её мать, бл. Бригитту, в Германии, Италии и некоторых частях Испании да в заморских краях (т.е. во Святой земле. – прим. пер.). И, думаю, нельзя обойти молчанием, с каким уважением принял госпожу Екатерину, когда прибыла она со святыми мощами в Линчёпинг, досточтимый предстоятель Линчёпингский владыка Николай. Ибо он вышел навстречу ей с духовенством и монашеством, с торжественным шествием, сопровождаемый городским людом: зазвенели колокола, загудели органы, клир воспел голосом ликования, благословляя Бога богов в Сионе (ср. Вульг. Пс. 83:8), Который святых Своих прославляет на земле.

[46] Наконец, досточтимую госпожу Екатерину, сопровождавшую священные мощи, препроводили в кафедральный собор, и когда проповедь была окончена, она пригласила владыку епископа и капитул его к себе. Обсудив касавшиеся её самой вопросы, она стала со всяческим почтением отговаривать владыку епископа от неких постов и чрезмерных подвигов, ведь он на долгое время ушёл в затвор и внимал лишь Богу, служа Ему в постах, бдениях и молитвах, а пастырским попечением пренебрегал. Ибо он желал разрешиться и быть со Христом (не из-за того, что его беспокоил труд и заботы, а из-за того, что в шведском королевстве умножились злодеяния, и он не мог без ущерба для церкви и духовенства оградить стеною дом Господень (ср. Иез. 13:5)); ревность по доме Божию снала его, и злословия злословящих права Церкви падали на сердце его (ср. Пс. 68:10). Но, вняв совету святой жены и наставленный премудростью духовной, он избрал страдать вместе с народом Божиим, почтя за приобретение возможность понести поношение Христово ради долготерпения и смирения. На нём сбылось то изречение Премудрого: «Дай, – говорит он, – наставление мудрому, и он будет еще мудрее; научи правдивого, и он приумножит знание» (Прит. 9:9). С тех пор святой предстоятель весьма почитал её, видя, что премудрость Божия в ней, чьи уста знают благоприятное (ср. Прит. 10:32), а язык, как отборное серебро (ср. Прит. 10:20), звенит о благоразумии.

[47] Прибыв, наконец, в монастырь Вадстена в среду октавы праздника Петра и Павла, она с великой радостью была принята всею общиной сестёр и братьев. Ибо же она обняла всех сестёр с материнской нежностью, весьма ликуя об их благополучии и преуспевании в подвиге благочестия; а затем, побеседовав с братьями, уединилась с сёстрами и в духе всеобъемлющего благоговения принесла жертву Богу хвалы, радуясь, что ей удалось благополучно избежать страшных водоворотов бурного сего мира. И вот, с той поры она, возглавив общину сестёр, стала с неусыпным тщанием показывать им святостью своего жития Устав Спасителя (см. «Небесные откровения», кн. 2. – прим. пер.), духовным правилам которого она сама училась в течение двадцати четырёх лет, пока была жива её мать, св. Бригитта; и была примером для всех в следовании Уставу сдержанных. А поэтому всё, что

предосудительно для монашествующего, как, например, клевета и другие оскорбления, было ей весьма противно. Рассказывают, что именно поэтому она как-то раз сказала своей племяннице Ингегарде (тогда ещё юной, но впоследствии первой посвящённой аббатисой Вадстены), когда она однажды занималась вышиванием, как это принято у молодых девушек: «Дочь моя Ингегарда, что ты вышиваешь в этой работе, которую держишь в руках?» Та ответила: «Госпожа моя, я здесь вышиваю двоих, кусающих друг друга в спину». А досточтимая Екатерина, испустив глубочайший вздох, взмолилась сими словами, сказав: «Милостивейший Иисусе, ради вседостойного заступничества многолюбивой Матери Твоей, отврати от сего ордена, девственной Матери Твоей посвящённого, смертоносные укусы клеветников». Ибо она всерьёз воспринимала изречение некоего святого, что и клеветник, и охотливый его слушатель носят беса на языке своем.

[48] Таким образом, всё собрание сестёр и братьев видело в ней, как в зеркале, образец всяческого достоинства и боголюбия. Они созерцали её, как на сверкающее на вершине горы солнце, которое разливанием лучей своих освещает долины. В ней, наконец, удерживала господство божественная любовь, которая, как известно, является прочным основанием всего сонма добродетелей. Ибо благодаря обладанию превосходной сей добродетелью, досточтимая Екатерина удивляла своим разумением, умиляла смирением, привлекала благодатью, была сострадательна по добросердечию, стойка в терпении, приветлива в разговорах, весела при даянии милостыни и совершенна во всех нравственных достоинствах. А после вычитывания своей службы часов и после молитв она пела псалтырь с какой-нибудь из сестёр. Затем же, призывая к себе сестер то по одной, то всех вместе, с нежной и материнской любовью наставляла их в правилах устава.

#### **ГЛАВА VI. ЕКАТЕРИНА, ПОСЛАННАЯ В РИМ ХОДАТАЙСТВОВАТЬ О КАНОНИЗАЦИИ МАТЕРИ, ПОСВЯЩАЕТ ЭТОМУ ДЕЛУ ПЯТЬ ЛЕТ**

[49] И вот, было так, что после того, как досточтимая госпожа Екатерина перенесла святые мощи своей матери, бл. Бригитты, из Рима в Швецию, в монастырь Вадстена, они просияли там многими чудесами. А когда молва о святости бл. Бригитты распространилась по всему свету, многие из самых разных краёв приходили в Вадстену, восхваляя и величая Бога за Его чудеса и знамения, которые Он изволил множеством способов сотворить по заступничеству сей святой. Воодушевлённые славою об этих чудесах, король (Альбрехт III. – прим. пер.) и прелаты, знать королевства и духовенство постановили с единодушного согласия всей общины упомянутого монастыря, чтобы госпожа Екатерина снова отправилась в Рим ходатайствовать о канонизации матери своей, св. Бригитты. Поэтому в следующем году, после того как славное тело матери св. Бригитты упокоилось в монастыре Вадстена, на пасхальной неделе, подготовив всё, что потребуется для столь трудного дела и уже собираясь назавтра отбыть, госпожа Екатерина сказала своим близким: «Бог, вернейший свидетель всех тайн, знает, что я всем сердцем стремлюсь потрудиться над этим святым делом и жизнь положить на то, чтобы добиться должного итога, но я так сильно люблю послушание, что, стоит моему духовнику сказать мне лишь: «Ты не выйдешь из монастыря этого до самого конца жизни», я с готовностью соглашусь с его волей». Ибо она знала, что послушание по праву

предпочтительнее жертв, ведь в жертву приносится чужая плоть, а в послушании собственная воля умерщвляется.

[50] Наконец под Божиим водительством она благополучно прибыла в Рим во второй раз в жизни. Там она, предложив рассмотреть вопрос канонизации св. Бригитты, представила её чудеса и смиренные прошения короля Швеции, вельмож и прелатов сего королевства. Все члены папской курии как кардиналы, так и другие особы, что св. Бригитту при жизни всегда особенно поддерживали и были её верными покровителями, в равной мере обнаружили готовность содействовать этому святому делу. И когда молва о святости госпожи Екатерины и её благом намерении дошла до слуха римлян, они вспомнили, как действительны были пред Богом её святые молитвы, когда была жива святая мать её Бригитта, и множество знатных людей смиренно просили её помолиться за себя и об обращении своих близких.

[51] Итак, вдова некоего барона, сестра Латини, знатного римского барона, вела пышную светскую жизнь за пределами Рима в своем замке. Её брат и мужи духовные многократно увещевали её отказаться от суеты и жить во вдовстве своём сдержаннее. Но она, презрев эти душеспасительные наставления, всё более и более предавалась наслаждениям. В конце концов господин Латини, брат её, настоятельными просьбами убедил её приехать погостить к нему в Рим. Она приехала в Рим с большой пышностью, а отнюдь не ради индulgенций – и захворала, причём так тяжко, что врачи отчаялись в её выздоровлении. Брат же её, упомянутый господин Латини, всегда заботившийся о спасении сестры, сам её увещевал и просил других благочестивых людей увещевать её чистосердечно исповедать грехи свои. Но она, очерстнев душой, всякий раз отвечала, что достаточно исповедовалась. Посему оный господин Латини, крепко веруя в святость и благочестие госпожи Екатерины, попросил её, дабы изволила она навестить его сестру, которая была уже при смерти, и уговорить её совершить перед смертью искреннюю исповедь.

[52] И госпожа Екатерина, которая всегда была рада утешить всякого болящего, придя к ней, попыталась настоятельными увещеваниями убедить её покаяться во всём содеянном, но больная она, как прежде, утверждала, что она уже достаточно исповедалась и более не желает. Тогда госпожа Екатерина, уразумев ожесточение её сердца, попросила всех присутствующих молиться о спасении души несчастной и благодати сокрушения для неё и сама, преклонив колени, предалась молитве. И вдруг у всех на глазах из реки Тибра поднялся некий дым чернее сажи, очертаниями шаровидный и величиною с телегу с сеном; поднявшись ввысь, он как бы завис над тем домом, где лежала больная. В каковом доме сделалась такая тьма, что по причине её густоты люди не могли разглядеть друг друга. Таким образом оный тёмный вихрь, что прежде омрачил ум той больной, стал прообразом того, что скоро и внешняя тьма приблизится к ней, если только по милости Божией не исцелится она покаянием. И случилось это, как все свято верят, по настоятельным молитвам госпожи Екатерины.

[53] И вот, тёмный тот вихрь разрушил до основания дом рядом с комнатой, в которой лежала та больная дама. Она была так перепугана страшным натиском и грохотом, что позвала госпожу Екатерину и со слезами пообещала ей сделать всё,

что она ей ни посоветует, для спасения своей души. Тогда Екатерина, безмерно возблагодарив Господа, Который всегда внимает просьбам смиренных Своих, посоветовала больной даме исповедаться во всех своих грехах. Тотчас же призвали священника, и того, о чём она раньше не могла и слышать без душевного ужаса, теперь, в сокрушении, сама горячо просила с воздыханиями сердечными и скорбью. Итак, сотворив подробную исповедь, а на следующее утро прияв Св. Таин, она почил в Господе. Есть подлинные основания верить, что она обрела эту милость по молитвам и заступничеству госпожи Екатерины, как свидетельствовали все там присутствовавшие и превозносившие благодать Спасителя, Который внял молению нищего (ср. Вульг. 21:25) и творит милости многие ради любящих Его.

[54] Кроме того, чистота её благочестия для всякого будет вполне очевидна из следующего божественного добродейния. Итак, жила в Риме некая госпожа, которая родила своему мужу семерых сыновей мёртвыми, по каковой причине любовь мужа к ней уменьшилась. И когда она снова забеременела, то утрашилась, что, как и прежде, произведёт мёртвого ребёнка. И вот, она смиренно обратилась к госпоже Екатерине, зная, что она свята и Богу угодна, и поведала ей о своём странном случае. Посему госпожа Екатерина дала ей частицу одежды бл. Бригитты, матери своей, и увещевала её всегда носить оную с собою, пока не родит, пообещав ей также, что будет присутствовать при родах. Женщина, уповая на её святость, верно исполнила то, что ей было велено. Когда же приблизилось время родить ей, она позвала госпожу Екатерину, чтобы та помогла ей своими святыми молениями к Богу родить живое дитя, и та не замедлила к ней прийти пришла, как и обещала. И вот, поспешно придя к роженице, когда она уже была в потугах, госпожа Екатерина уделила ей подобающее внимание, непрестанно молясь и заклиная Бога, пока женщина не родила живую девочку, которую из признательности к госпоже Екатерине назвала Бригиттой. Ибо госпожа та была искренне уверена, что снискала эту благодать предстательством, заслугами и молитвами досточтимой госпожи Екатерины. Весть об этом событии разошлась по всему Риму и считалась великим чудом, и все слышавшие о сем единогласно прославляли Господа, Который по заслугам и молениям госпожи Екатерины милостиво даровал спасение матери и дитяти, которым грозила опасность.

[55] Случилось также во время её пребывания в Риме так, что из-за чрезвычайного разлития Тибра вода затопила Латеранский мост, монастырь св. Иакова и многие другие окрестные здания, отчего римляне, напуганные, что город будет разрушен чрезвычайным наводнением, посоветовавшись, пришли к дому госпожи Екатерины, умоляя, чтобы она изволила спуститься с ними к потоку разлившихся вод, дабы помолиться Господу о прекращении сего бедствия. Она же, вскормленная смирением, считая себя недостойной, стала со слезами отказываться. А они, видя, что настоятельными мольбами ничего не добьются, применив силу, вывели её из дома и выставили навстречу разливающимся водам. Дивное дело! Повторилось древнее чудо! Так же, как во времена Иисуса Навина, [когда] «Иордан обратился назад» (Пс. 113:3), едва святая вступила в воду, коснувшись стопами потока, он со всей быстротою отступил и, потекши обратно, устремился к своему руслу. Все изумились и восхвалили безмерное могущество Господа, Который чрез святых Своих даже и с водою творит чудеса. Посему присутствовавший при этом зрелище досточтимый и святой памяти отец Пётр, приор Альвастры, инок Цистерцианского

ордена, созвав домочадцев госпожи Екатерины, молвил сии слова: «Храните в памяти дивные дела, что вы видели ныне, поскольку об этих и иных её чудесах и знамениях, кои Бог удостоил её совершить, вас будут расспрашивать в грядущие времена.

[56] Затем, когда досточтимая сия госпожа Екатерина переехала в Неаполь и задержалась там (дабы в преддверии канонизационного процесса собрать и записать чудеса, которые Господь изволил совершить через св. Бригитту, мать её, как при жизни, так и после смерти оной), молва о её святости весьма распространилась. Посему и пожаловала к ней некая дама, знатная по мирской мерке, и со слезами поведала, как её вдовую дочь тягчайше мучает ночной бес. Она не посмела никому из родственников сообщить о постыдных сих неприятностях, но, [положившись] на доброе имя и славу святости Екатерины, воспользовалась случаем поведать ей о несчастьях дочери. Услыхав же об ужасном нападении, коему они подверглись, госпожа Екатерина прониклась к ним глубочайшим состраданием и, прочитав тихо одну «Радуйся, Мария» (как обычно делала всякий раз, когда с нею советовались о чём-нибудь духовном), дала им спасительнейший совет: во-первых, им следует искренне исповедоваться во всех своих грехах, поскольку таковые прельщения часто и со многими случаются по причине неисповеданных грехов; а [во-вторых] им должно босиком и без льняных рубашек, со всяческим смирением ходить в течение восьми дней кряду к церкви Св. Креста и прочитывать пред Распятым семь «Отче наш» и «Радуйся, Мария» в честь Страстей Христовых. [Она добавила], что и сама охотно бы о них молилась, да только считает себя недостойной быть услышанной. Однако же из сострадания смиреннейше пообещала сие.

[57] Названные же дамы, поступив согласно её совету, вернулись через восемь дней, прославляя Бога, ибо Он соделал им великую милость по спасительным советам и молитвам её. Ибо оный жуткий бес явился той юной даме в ночной тишине и, страшно пригрозив ей, сказал: «Да будет проклята эта дочь Бригитты, что разлучила меня с тобою, ведь я никогда более не вернусь к тебе!» Итак, молитва святой изгнала назойливого врага и связала беса в пустыне адского Египта. Посему из-за этих и других признаков святости госпожа Екатерина, когда она жила после смерти матери в Риме, Неаполе и в различных других итальянских да германских краях, слыла и считалась великой святой, без сомнения Богу угодной; так что многие, оказавшиеся в беде, прибегали к ней, прося совета и помощи по её заступничеству у Бога, – и сообщали об обретении благодатного избавления от своих недугов ради славных молитв и заслуг её.

## **ГЛАВА VII. СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНИЕ СВ. ЕКАТЕРИНЫ И ЧУДЕСА ПРИ ТОМ СВЕРШИВШИЕСЯ.**

[58] Разрешив свои дела в Неаполе, записав чудеса святой матери своей Бригитты, досточтимая госпожа Екатерина вернулась в Рим и продолжила канонизационный процесс, который начала было при Григории XI, но не смогла довести до должного итога, поскольку делу о канонизации помешала смерть папы. Поскольку же всё дело по сей канонизации пришлось начинать заново, оно было представлено непосредственному преемнику оного Григория, Урбану VI. Каковой папа Урбан, будучи знаком с бл. Бригиттой ещё при жизни её и на опыте убедившись в её святости, взялся за её канонизацию, но не завершил по причине различных событий,

что в те дни происходили в Церкви, а также из-за вновь начавшейся тогда схизмы. Таким образом, досточтимая госпожа Екатерина провела ради вышеупомянутого дела в Риме пять лет, много и серьёзно на то поистратившись. Поскольку бедственная схизма, что вот-вот готова была разразиться, не давала надежды на то, что столь трудное дело может достичь подобающей цели, госпожа Екатерина, воспользовавшись здравым советом прелатов, описала жизнь и чудеса святой матери своей Бригитты и, снабдив [сию запись] подтверждающими документами соответствующих свидетельств, скреплённых печатями кардиналов, прелатов, сеньоров и дам отовсюду из Града и мира, да и оставила сие в Риме, предав Божию устроению и провидению будущее того святого дела.

[59] Когда же госпожа Екатерина получила от упомянутого папы (Apostolico) буллу, в которой содержался «Устав Спасителя», [изложенный] от третьего лица, и другие привилегии для монастыря Вадстена, она приготовилась к возвращению на родину, оставляя всем обитающим в Риме добрую память о своем имени и славу святости своей. Владыка же Элеазар, кардинал, паче всех самоотверженно уделял госпоже Екатерине молитвенные утешения и оказывал ей любезные благодеяния ради усовершеня жизни, притом словом и делом всячески помогая в продвижении её вопроса. Ведь вышеупомянутый кардинал с юности своей был одарён особым почтением ко св. Бригитте, как при жизни, так и после кончины её, поскольку, пока она была жива, он с благоговением и смирением сообразовывался с её святыми советами и наставлениями спасительными на пути Божиим и в жизни. А Верховный понтифик Урбан VI вместе со Священной коллегией кардиналов, приняв Екатерину с несравненной любовью и расположением, дал ей вместе с апостольским благословением увещательную буллу сиречь пропуск во владения, города и замки, в которые она могла бы заехать по дороге, чтобы получить защиту и прибежище. Посему он предписал некоему мужу, пользующемуся большим влиянием в курии, поехать с нею до самых Альп, дабы безопасным путём провести её через земли Италии.

[60] Слишком долог был бы наш рассказ, попытайся мы поведать обо всех заслуженных почестях, с какими её принимали городские головы, герцоги и князья как в Италии, так и в Германии благодаря Владыке папе и его булле. Но одно, думаю, необходимо поведать: по пути она всем проходящим к ней давала спасительные наставления, которые не только подтверждались подлинной святостью её жизни, но и, более того, подкреплялись необычайными чудесами. Случилось так в Пруссии, когда она ехала в карете, весьма изнурённая тягостью пути и немощью, что один из её слуг, восседавший на карете, уснул и от толчка кареты сверзился головою вниз меж конских ног, а колёса, проехавшиеся затем по нему, полностью сокрушили ему ребра, так что, когда его подняли в карету, он едва мог дышать. Святая же, сердечно пожалев его (как и всех больных и несчастных всегда жалела), легонько коснулась рукой его разбитого бока и сокрушённых рёбер, читая «Радуйся, Мария». И в тот миг, как рука святой коснулась сокрушённых ребер, сила Божия восстановила их, а боль прекратилась. А тот, кто едва мог дышать от безмерной муки, в тот же день бегал, весёлый и совершенно здоровый, вознося хвалы Богу и госпоже Екатерине за милость исцеления. Ибо он рассудил, что именно прикосновение руки этой госпожи послужило полноценным лекарством для излечения его раны, а не припарки, что задорого готовят лекарями.

[61] В конце концов, после отъезда из Рима стала она в дороге слабеть телом, и немощь её день ото дня возрастала, однако же силы души её и духовная приверженность Господу отнюдь не увядали. И отнюдь не искала она средств лекарственных, потому что всем сердечным желанием стремилась «разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1:23). Со времени же её возвращения из Рима в королевство Шведское, в монастырь Вадстена, и до самой смерти, а именно с октавы торжества апостолов Петра и Павла до праздника Благовещения Господня, она переносила страдания от непрерывных телесных недугов. Но чем слабее она становилась телом, тем сильнее – духом, зная, что сила совершается в немощи (ср. 2 Кор. 12:9), а стойкость поспешает к венцу.

[62] И не было недостатка в чудесах, знаменующих столь великую святость её, поскольку стоящий не может укрыться город на верху горы (ср. Мф. 5:14). Случилось же так, что один из насельников монастыря сверзился головою вниз с высокого некоего здания на камни и балки, и претерпев падение сие страшное, сломал ребра на правом боку, причём, как это бывает, они так болели, что он с трудом мог вдохнуть. Когда об этом возвестили благой настоятельнице монастыря госпоже Екатерине, она, сострадая страждущему, спустилась к монастырским воротам и, восслав молитву, коснулась раненых членов. И при её касании божественная сила восстановила сломанные члены, и раненый, ставши здоров и невредим, тут же возвратился к работе, величая Бога, давшего такую власть человекам (Мф. 9:8). Ведь оный муж знал, что при такого рода ранах, как у него, приличествуют припарки и пластыри, но счёл, что прикосновение руки сей святой госпожи женщины много превосходнее всех их, и возвестил силу Божию, чрез руку её проявившуюся.

[63] Поскольку же болезнь досточтимой госпожи Екатерины ежедневно усиливалась, она старалась почаще причащаться Св. Таин. Даже после того, как она пустилась в путешествие с [мощами] матери своей, она по причине ревностного благочестия ежедневно творила исповедь в сокрушении сердца, а иногда дважды-трижды [в день] смиренно приступала к купели исповеди. Ведь знала она, что исповедь – спасение для душ, разрушительница пороков, восстановительница добродетелей, победительница бесов, и что заграждает она уста адовы, а райские врата отворяет. Таинство же Тела Христова из-за болей в желудке она при сей последней болезни принимать не смела, но благочестивыми жестами, как могла, поклонялась всесвятому Телу Господню, возводя очи свои к , и подолгу языком сердца (поскольку язык плотский уже онемел) глаголала нечто, внятное лишь Богу. [Так], в присутствии сестёр, вверявших Богу исход её, она блаженно почилла в Господе.

[64] Немедленно неким благочестивым особам явились знамения с неба, свидетельствующие о её святости. Ибо видели звезду, что стояла над домом, в котором сутки лежало бездыханное тело её, пока не предали его погребению. Когда тело переносили к месту погребения, звезда явно сдвинулась с места своего, словно бы собиралась возглавить похоронное шествие, а когда останки поместили в церкви, звезда во время служения мессы оставалась, словно зависнув, над носилками, [на коих покоилось] тело умершей. Но после похорон её тела звезда она окончила служение. И хорошо, что удостоилась почестей от звезды та, которая, живя среди людей, была светла чистотою жизни, неколебима и терпелива, сияла святым

подвижничеством, подавая всем пример достойного жития, исполненного всяческого достоинства нравов. Кроме того, несколько благочестивых особ под присягою заверяли, что видели, как перед похоронными носилками в воздухе двигались дивно сияющие светочи, когда тело несли в церковь для погребения, но совершенно не видели никого, кто те светочи мог бы нести.

[65] Собралось же в день её похорон в Вадстене великое множество прелатов, архиепископов, епископов и аббатов из государств Швеции, Готланда, Дании и Норвегии, а также из числа мирских владык – государь Эрик, сын короля Шведского, с чередой князей, магнатов и баронов, с большим числом [представителей] низших сословий, духовенства и мирян. Каждый притом возносил немалые воздыхания и причитания, особливо же насельницы монастырские (*Virginum inclusarum*), которые со стонами и слезами справляли похоронные обряды по благостной матери своей. Упомянутый государь Эрик с князьями из государства своего доставил к месту погребения тело покойницы, но там была такая толчея от народа, что они едва смогли пронести священные останки к могиле, поскольку люди всей толпой стремились прикоснуться к этой драгоценной жемчужине. [Ну а] подобающую панихиду совершил благой памяти владыка Николай, епископ Линчёпингский, в сослужении архиепископов и аббатов со множеством клириков и великим числом иноков.

[66] Среди них присутствовал некий наставник, обладавший большим авторитетом и учёностью, Тордон, епископ Стренгнесский, усердно и благоговейно прислуживавший на панихиде; он по причине благоговения и дружества, которые питал к святой, когда она была ещё жива, с трепетом коснулся руки госпожи Екатерины, вверяя себя её предстательству перед вечным Судьёй. Дивно и рассказать: епископ почувствовал, что рука госпожи Екатерины сильно сжала и держит его руку, как это обычно бывает между друзьями и поручителями, которые крепко жмут друг другу руки в знак величайшей любви и взаимной верности. Ведь ещё проживая в Риме, она, ходя к Апостольскому престолу, много предстательствовала об утверждении избрания этого епископа перед Владыкою папой, кардиналами и чиновниками курии. Через сие рукопожатие епископу дано было уразуметь, что, как святая при жизни увещевала его помнить обет обручения с Богом, за который она неким образом поручилась пред Владыкою папой, ходатайствуя о его утверждении, так и ныне, избавившись от бремени плоти и став перед вечным Первосвященником, уговаривает его блюсти верность своему обещанию, как бы внушая ему изречение Премудрого: «Если ты поручился за ближнего твоего и дал руку твою за другого, ты опутал себя словами уст твоих... Сделай же., вот что, и избавь себя» (Прит. 6:1-2).

[67] Скончалась же досточтимая госпожа Екатерина в монастыре Вадстенском в год Господень тысяча триста восемьдесят первый, в одиннадцатый день до апрельских календ, в воскресенье, а именно накануне праздника Благовещения Господня, а наутро оного была с честью погребена. И у гробницы её да при святом её поминании многие совершаются для благоговейно просящих чудодеяния по милости Того, Кто во святых Своих славен и дивен во веки веков. Аминь.

*Перевод: Константин Чарухин*

*Корректор: Ольга Самойлова*

*Подготовлено для сайта [РУСКАТОЛИК.РФ](http://РУСКАТОЛИК.РФ)*